

1

Отнесенность понятия "профессия" к психологии не очевидна. Во всяком случае в наиболее распространенных у нас психологических словарях оно как таковое не раскрывается (Психологический словарь, 1983; Краткий психологический словарь, 1985), а в словаре К. К. Платонова (1984, с. 107) это понятие раскрыто в соответствии с его экономическим значением (Краткий словарь-справочник..., 1972, с. 294-295) и общепринятым словоупотреблением (Ожегов, 1963, с. 618; см. его же 1990, с. 624-625; Советский..., 1983, с. 1070). Правда, отнесенность к нашей науке такого составного термина (и соответствующего понятия), как "профессия психолога" сомнений вызывать не может.

Парадокс состоит в том, что языковое, общественное сознание подводит понятие "профессия" под категории "деятельность", "род деятельности", а они являются для психологов теоретически очень близкими. И, тем не менее, область психологического изучения профессий, их возникновения, дифференциации, интеграции, отмирания освоена психологами, надо признать, еще мало. Мало продвинуты пока и вопросы изучения профессии психолога как таковой (Гусейнова, 1989; Дмитриева, Арефьев, 1976; Сыркин, 1923; см. также библиогр. в статье В. В. Гусейновой).

Итак, в своей фундаментальной основе "профессия" – это также и психологическое понятие, если его рассматривать как частное выражение деятельности. Не чуждыми психологии являются и другие варианты понимания этого слова в научных и научно-практических текстах – как область приложения сил человека, как социально фиксированный трудовой пост (могущий быть вакантным и предполагающий, в частности, некоторую психологическую пригодность человека к делу), как система выполняемых человеком трудовых функций, как определенная квалификация, опытность специалиста и, наконец, как общность людей, занятых определенным родом деятельности (подробнее см.: Климов, 1983, с. 102-108; а также 1988, с. 39-52, 68-98, 107-108).

Быть может, понятие "профессия" является в нашей науке чисто отраслевым, т. е. относящимся исключительно к психологии труда и инженерной психологии? В этом не было бы ничего плохого. Но ответ на этот вопрос не прост. Этимологически слово *профессия* восходит к латинскому *profiteri* – "говорить публично" (Шанский и др., 1971, с. 370), что осмысливалось в свое время как "объявлять другим о своем деле, занятии, специальности". Для чего

же объявлять? Чтобы кто-то узнал в продукте моей деятельности предмет своей потребности, чтобы установился диалог, состоялись обмен ценностями, удовлетворение потребностей.

Таким образом, в феномене профессии исконно скрыты и общепсихологические, и социально-психологические события. Само собой разумеется, что профессия – это такое занятие, которому надо специально учиться (Платонов, 1984, с. 107, да, впрочем, и народная мудрость давно отметила – "Не учась и лаптя не сплетешь"); отсюда – понятие профессии "вклинивается" также в возрастную и педагогическую психологию.

2

Важность вопроса об истории профессии, в частности профессии психолога, обосновывается следующими соображениями:

- общепсихологическая теория деятельности останется недостаточно общей, если будет строиться на фактах "ничьей" деятельности в "никакой" специальной области, как нередко и бывает;
- профессия (по крайней мере, в части случаев) может пониматься как некоторый исход из ситуации постоянно воспроизводящегося конфликта между личными качествами человека и объективными, нормативными требованиями деятельности; поэтому исследования в области психологии профессий и их истории могут быть полезны для построения общей теории конфликта (Дружинин и др., 1989);
- поскольку человек и профессия создают некоторую внутренне напряженную развивающуюся систему, изучение вопросов истории профессий может рассматриваться как источник полезной информации для построения общей теории прогрессивной эволюции систем (Назаретян, 1986; Пригожин, 1986);
- история культуры часто понимается как история достижений в художественной деятельности; в строгом значении слова предмет рассмотрения здесь должен быть более широким – без истории профессий человечеству еще очень далеко до подлинной истории своей культуры;
- в условиях быстро обновляющейся жизни современного общества совершенствование профессионального образования любого типа и уровня (в частности, и подготовки психологов) предполагает постоянное моделирование и даже проектирование соответствующей трудовой деятельности. А это в свою очередь предполагает глубокую ретроспекцию в область профессиональной культуры, истории профессии;

- адекватная система ценностных представлений профессионала, совершенно необходимая для построения педагогической системы подготовки специалиста, возможна только при условии глубокой исторической ретроспективы;
- система подготовки психологов в вузе предполагает формирование профессионального самосознания; это в свою очередь означает, что должна быть построена по возможности полная картина всего незримого сообщества, включающего и ряд предшествующих поколений, обогатившего культуру не только теориями, но и практическими умениями, жизненно значимыми событиями, построенными на психологическом знании.

Следует признать, что в эту общность пока обычно включают философов и ученых-психологов, тогда как психологи-практики имеются в виду лишь постольку, поскольку они оставили публикации (т. е. как раз не то, что они лучше всего умели делать); если мы как люди считаем приемлемым происходить от обезьян, то почему бы нам как профессионалам не происходить от тех членов человеческого сообщества, которые когда-то слыли ведунами, колдунами, ведьмами или были просто наблюдательными и опытными в обращении с ближними, себе подобными? Правда, здесь не следовало бы упрощать дело: как отмечает Б. А. Рыбаков (1988, с. 294-381), есть данные, что в структуре язычества Древней Руси существовали примерно два десятка разновидностей служителей культа, для которых имелись специальные названия (от "облакопрогонителей", к которым, возможно, захотят восходить специалисты по физике атмосферы, метеорологи, до "потворников", "кощунников", функции которых менее нам понятны; от "ведьм" до "обавниц", "наузниц" (там же, с. 298) и т. д. Так что, изучая происхождение и развитие профессии, уместнее иметь в виду выполняемые людьми функции, которые могут быть распределены между ними самым причудливым образом, а не "должности" и "звания". Новая профессия как деятельность может возникнуть из разных и многих источников, может как бы оказаться сотканной из набора функций, которые ранее были свойственны не просто разным, но и противопоставлявшим себя друг другу людям. Однако вернемся к вопросу о значимости, актуальности обсуждаемой темы.

Излишне говорить, что так называемый "рынок труда" это не область свободного манипулирования бездушными объектами. Каждый человек в ситуации выбора или вынужденной смены профессии (профессиональной реориентации), в ситуации, когда он должен освоить новое непривычное дело, является еще и сознательным субъектом выбора – думающим, помышляющим о

будущем, чувствующим, не только торжествующим, но и страдающим (ведь смена профессии это смена образа жизни и всех перспектив). Необходимо научными средствами систематически строить и обновлять представление о мире профессий, все время отслеживать его изменения и выдавать по соответствующему запросу потребную информацию.

При этом пространство выбора отнюдь нельзя сводить к бегло и поверхностно комментируемому списку профессий как это, к сожалению, нередко случается в практике. Этот список теоретически и фактически насчитывает сотни и тысячи единиц. Но названия еще мало что говорят (ну "обтяжчик", "сновальщица", "флотатор"... и что же – все понятно и можно уже выбирать профессию?). Кажущаяся понятность, например, слова "психолог" таит в себе множество самых разных его пониманий даже в среде самих же психологов, не говоря уже о потенциальных потребителях психологической информации.

Профессия должна быть изучена всесторонне и, в частности, изнутри – ведь это и образ жизни, и образ мыслей, и стереотипы восприятия мира, и социальный тип человека. И вместе с тем – профессии (как бы они ни понимались) суть то, что объединяет людей, помогая преодолевать их частные различия и противостояния. Но чтобы это объединяющее начало обнаружилось, нужно, чтобы каждый имел некоторый минимум профессиональной ориентировки – знал и понимал, чем заняты другие и очень разные сограждане. Мы много знаем о солнечной системе (этому учат в школе), но с тем, что важное и нужное делают люди за ближайшим забором, огораживающим фабрику или вычислительный центр, подчас и узнать неоткуда.

Представления о профессиях – разных, разнотипных, но равно обществу важных – должны культивироваться и существенно заполнять сознание подрастающих и взрослых людей. Но эти представления нельзя выдумывать в порядке писательского энтузиазма – нужно научное производство профессиональной (включая и психографическую) информации. Тогда, может быть, более значительным содержанием наполнятся и школьные учебники, и видео-, радио- и другие каналы массовых сообщений. Все это предполагает разработку не только прикладных, но и фундаментальных вопросов психологического профессионализма (включая историческое и сравнительное).

Будем исходить из того наиболее вероятного предположения, что человек, начиная с самых первых фаз антропогенеза, неизбежно сталкивался с проявлениями психики как с обстоятельствами,

содействующими или противодействующими его важнейшей деятельности по жизнеобеспечению. А поскольку сталкивался, то начинал замечать, выделять их по каким-то опознавательным признакам и фиксировать опыт этих столкновений в доступной исторически конкретной форме (в слове, ответном или превентивном действии, поведении, в коллективном действе и т. п.).

Что это за проявления психики? Это могли быть: сон, прерывающий бодрствование и сопровождающийся сновидениями, а также и освежающий сон; усталость/работоспособность и их колебания; ошибочные и удачные варианты действий; горе, радость, удивление, страх, гнев, боль, стойкие черты нрава окружающих людей и т. п.

Неизбежно человек нащупывал, находил хоть сколько-нибудь эффективные средства овладения особенностями психической реальности. Скажем, настроиться на ответственную и опасную деятельность помогает некий условный ритуал (хотя бы некоторые позы, звуки), избежать опасности помогает то, что не забыл задобрить злых и добрых духов (вспомнив о них, вспомнил и об опасностях, а это уже неплохо, – в этом смысле знание о злых и добрых духах срабатывает ничуть не хуже, чем знание современной инструкции по технике безопасности, а быть может и лучше, поскольку инструкции не обязательно так же хорошо возбуждают важные здесь эмоции, как это делают мифы) и т. п.

Обобщенно говоря, нечто во внешнем и внутреннем мире человека манифестирует себя сознанию в ситуации определенного столкновения, конфликта (в этом смысле конфликт – условие знания), а конфликты, манифестирующие психику, не могли отсутствовать уже на самых ранних фазах развития сознания; при этом (и поэтому) человек не мог не узнавать о психике. Другой вопрос – у него не было языка для обозначения и описания своих психологических обретений. Поэтому должен был возникать, развиваться и сам этот язык, который вовсе не был обязан походить на современный язык нашей науки. Как раз наша обязанность состоит в том, чтобы прорваться сквозь языковые барьеры исторически конкретных форм фиксации психологического знания и успешного опыта овладения закономерностями психики.

Примем еще одно очень вероятное предположение – люди неизбежно различались по способности фиксировать, накапливать и применять, культивировать возникающий душеведческий опыт. То, что это делалось в форме своеобразной психологической проекции, т. е. в форме приписывания осознанных свойств души не мозгу, а каким-то внешним существам, населяющим природу, окружающую среду, сути вопроса не меняет. Пусть считалось (по крайней мере, до XVII в.), что "бесица-трясавица" Глядея "спать не дает, ума лишает",

может "очи человеческие омрачить"; что мученики Гурий, Симон и Авив помогают жене, "если ее неповинно возненавидит муж"; что Косьма и Дамиан "просвещали разум к изучению грамоты" и т. д. (по Н. М. Никольскому, 1988, с. 46-47). Все эти представления были также и средством остановить мысль на явлениях бессонницы, ума, разума, внутреннего психического состояния человека, семейного конфликта и т. п.

Те члены сообщества (скажем, поселения наших языческих предков), которые осуществляли накопление душеведческого опыта несколько лучше других, неизбежно становились своеобразным источником психологических "услуг" и, следовательно, своего рода неформальными "психологами"-ведунами, знахарями, и пр. Таким образом, мы допускаем мысль, что психологические трудовые функции (а значит и их носители) существовали в обществе **всегда**, т. е. с первых фаз его развития.

Но что же мешает принять эту мысль? Почему же историю психологии часто видят только в недрах истории философии, а ее наиболее отчетливую самостоятельную ветвь ведут примерно со второй половины XIX века? Почему история предшествующей мировой культуры видится при этом как область некой "психологической пустоты" или область в известном смысле депсихологизированная?

Что-то в нашем традиционном умонастроении не мешает, например, возводить историю техники и науки к тому моменту, когда безвестные гении придумали скребок или колесо, когда первобытный охотник или земледелец наблюдали за окружающими явлениями и делали из этого выводы (Кириллин, 1986, с. 11-15). Считается, что они могли заниматься "в меру своих возможностей всем тем, что гораздо позднее получило название науки и техники" (там же, с. 12). Что же касается психологии, то мы здесь скорее сожалеем, что имеющаяся история очень кратка (Ждан, 1990, с. 7). Думается, что нам мешает некоторая гипотетическая схема "линейности" исторического развития того типа человека (или человека с некоторым определенным типом рациональности), которого мы согласны категоризовать как психолога. Да, психологи такого типа, какой был для нас образцом в течение последних десятилетий, ведут свое начало, возможно, от В. Вундта и И. М. Сеченова. Но можно представить и другую гипотетическую схему развития профессии психолога, которая существенно раздвигает горизонты нашего видения "себе подобных".

Суть предлагаемой гипотезы состоит в следующем. Развитие профессии психолога как системы трудовых функций идет не

"циклами", не "по спирали", не "по возрастающей" и не "по нисходящей", а иначе – путем возникновения и изживания (чтобы не сказать – краха) определенного рода сменяющих друг друга объемлющих систем; при этом в принципе любая очередная система зарождается в недрах предыдущей еще задолго до того, как та изживет себя. Говоря об объемлющих системах, мы имеем в виду такие, которые по отношению к психологии как форме общественного сознания являются "надсистемами" (психология – их подсистема) – миропонимание и мироотношение (мировоззрение); и это мы будем в дальнейшем иметь в виду без специальных оговорок.

Представленные на рисунке сетевидные (или древовидные) элементы являются схематическими изображениями траекторий развития упомянутых систем. Они весьма условны и к ним нужно относиться не как к ориентированным графам¹, а скорее как к пиктограммам, поясняющим некоторые положения. Поэтому-то мы их и называем "метелками", а речь ведем всего лишь о гипотезе (если бы речь шла об утверждениях, эмпирически достаточно обоснованных, то соответствующие ориентированные графы были бы и более сложными, и разными).

Будем различать в каждой *метелке* как отображении процесса развития системы следующие признаки: начало, срединную часть и конец. Так, началом первой *метелки* является область, которая в координатах предложенной схемы находится на пересечении ординат "а" и абсцисс 1. Можно обозначить эту область a_1 . Как видим, начало хода развития системы отображено не точкой, а как бы слиянием ветвей (предположим, предыдущего процесса, пусть нам не известного) – это означает, что некий единый процесс может сложиться фактически из нескольких разных источников; конец рассматриваемой первой *метелки* находится в области примерно b_3 ; он отображает явления инволюции, изживания системы, уменьшения разнообразия ее проявлений (малое количество ветвей *метелки*): пунктир ветвей (дуг графа) как бы указывает на очень большую неопределенность этого процесса (по признакам времени, содержания, направления и т. д.); срединная часть первой *метелки* – c_2 ; здесь отмечается наибольшее количество ветвлений, что означает развитость, "расцвет" отображаемой системы, вместе с тем где-то здесь же – в срединной части "цветущей" *метелки* берет начало, зарождается следующая

¹ Мы намеренно оставляем в стороне вопрос о возможности применения в нашем случае теории графов (см., например, Математический..., 1988. с. 162-163).

метелка, расположенная по отношению к первой примерно ортогонально, это означает, что ход развития, отображаемый этой (второй) *метелкой*, имеет по отношению к предыдущему (в котором он пусть и возник) много признаков отличия, независимости и, возможно, противостояния. Аналогичным образом дело обстоит и в отношении последующих пяти элементов предлагаемой схемы. *Метелку* в целом можно обозначить, указав ее начало и конец. Так, первая слева может быть обозначена *a1-b3*, вторая – *c2-d4* и т. д.

Метелки на схеме характеризуются не только фактами ветвления (бифуркаций) отображаемых ими процессов, но и тупиковыми путями развития, и явлениями слияния разных путей. Рано или поздно каждая из возникающих систем исчерпывает основные потенциалы своего развития (она перестает быть хорошим органом той функции, для реализации которой сложилась, возникла). Это отнюдь не значит, что рушится или размывается все, как это может казаться людям, сращенным с этой системой: элементы сохраняются, включаются в другие, новые системы и вместе с этим преобразуются. Например, мифологические представления о злых и добрых духах, к которым первобытный человек относился настолько серьезно, что мог даже умереть сам или убить другого в соответствующем конфликте, постепенно уходят в область развлекательных рассказов и сказок для детей; представления о рефлексе, из-за непочтения к которым можно было когда-то оказаться чуть ли не "врагом народа", становятся предметом спокойного историко-научного анализа и т. п.

Новая система зарождается в период большего или меньшего "расцвета" существующей. Это происходит в явлениях диалога, неизбежно сопровождающего даже самое "верноподданническое" ее освоение. Диалог – это все-таки борьба, а борьба имеет не обязательно кем-то ожидаемый или предначертанный исход. В профессиональной области мы сплошь и рядом имеем неожиданные исходы столкновений человека и профессии: П. Я. Гальперин учился на врача, а стал специалистом по психологии обучения умственным действиям; В. Д. Небылицын учился на филолога, а стал специалистом по проблематике основных свойств нервной системы; В. Вундт был физиком, а вошел в историю как основатель экспериментальной психологии. Можно составить целую галерею профессиональных парадоксов указанного рода. Быть может, сами "еретики" иногда даже несколько стесняются указанных фактов профессионально-биографического характера – как-никак их можно понять по принципу "свой среди чужих, чужой среди своих", а это не всегда приятно. Но не исключено, что здесь мы имеем дело с

закономерным явлением порождения одной ментальной системы в неизбежном диалоге с другой.

Новая система строится максимально независимо от предыдущей; по крайней мере, в сознании людей, уже сросшихся с новой системой,, могут даже доминировать идеи противостояния тому, что связано с предшествующей. При этом даже то, что на деле "неофиты" неизбежно заимствуют из прошлого, переобозначается и переосмысливается в контексте (на языке) новой системы. В результате традиционная система интерпретируется так, что ретроспективно как бы лишается даже того, чего она на самом деле отнюдь не лишена. Скажем, психолог-атеист (убежденный материалист) противопоставляет себя служителю религиозного культа как распространителю "опиума для народа", хотя на самом деле оба используют одни и те же закономерные свойства психики человека (один, например, практикует систему формул "аутогенной тренировки", а другой – молитву "Господи, прииде и вселися в ны"). В обоих случаях положительный эффект происходит по одним и тем же причинам и законам. Но психолог, расположенный и ориентированный в своей *метелке*, хочет видеть и видит начала начал своей профессии в ее границах – где-то на "заре" появления людей именно с естественнонаучным, например, типом рациональности. А служитель религиозного культа видит своих предшественников по профессиональной общности также в начале *метелки*, но – другой, а именно, своей, родной.

Так, например, представитель (служитель) христианской религии, в свою очередь, отвергает, как монотеист, языческие представления, борется с ними, утверждая "истинную веру". Но в то же время неизбежно должен считаться с неодолимыми закономерностями сознания, которые так или иначе были смоделированы и языческой практикой, и соответствующими верованиями. Как результат – языческие модели просто переобозначаются: например, языческий "скотий бог" Велес у нас на Руси в свое время трансформировался в покровителя животных христианского святого Власия (Мифологический..., 1991, с. 128); и есть множество феноменов подобного рода, они составили целые периоды противоборства язычества и христианства (Рыбаков, 1988, с. 382-411), "двоеверия" (Никольский, 1988, с. 21-31).

Это же происходит и с системами научных психологических (профессиональных) школ. Один ищет и находит "сотворение мира" у С. Л. Рубинштейна, другой – у А. Н. Леонтьева, третий – хоть у Робинзона Крузо (который, кстати, – к чести Даниэля Дефо – совсем неплохо понял особенности сознания Пятницы и был успешен в психокоррекционных и педагогических действиях в отношении его)

и т. д. Но научные психологические школы – особый вопрос. Вернемся к "крупноблочной" интерпретации *метелок* в связи с вопросом возникновения и развития (генезиса и эволюции) профессии психолога.

5

Соответствует ли что-либо в действительности той гипотезе, которую мы попытались объяснить читателю выше? Надеемся, что да. На нашей гипотетической схеме представлены пять *метелок*. Они, думается, соответствуют некоторым фазам в развитии профессии психолога (далее без специальных оговорок будем иметь в виду материал отечественной истории). Начнем с *метелки с4-дб* (четвертой слева). Предположим, что она соответствует в целом тому, что мы называли обычно "советской психологией". Последняя, как известно, включала противоборствующие направления и сменявшие друг друга разноликие фазы развития (Петровский, 1967). В этом смысле модель *метелки* в принципе не противоречит действительности. При всех тонкостях авторских различий советская психология представляет собой нечто целостное – для специалистов характерно стремление развивать науку на экспериментальной основе и строить значительные теоретические обобщения фундаментального толка. Одновременно это сопровождалось некоторым (пусть неявным, но фактически достаточно последовательным) небрежением к отдельному человеку, его личным проблемам; отсюда неразработанность практических психологических техник, известного рода физикалистская модель "хорошего" психологического исследования, доминирование убежденности в том, что проблемы каждого решаются на основе решения общих проблем.

Но в недрах этой системы зарождался другой тип профессионала-психолога. Он настолько иной, что для него совершенно не годятся те процедуры профессиональной аттестации, которые были традиционно установлены (наличие научных в общепринятом смысле публикаций, ведение занятий в вузе или работа в научном учреждении, успешная работа над диссертацией и пр.) и которые, кстати, остаются в ходу еще и сегодня. Этот *иной* психолог, как бы он ни был успешен в практической работе (непосредственно с людьми или в области доведения психологической информации до потребителя и т. п.) остается не только не оцененным, но неизменно категоризируется как неудачник ("ну, когда же ты напишешь диссертацию" и пр.); а в серьезных книгах, в учебниках психологии просто не имеют "законной прописки" многие понятия и проблемы психолого-практического плана (психологическое консультирование, психотерапевтическая

помощь, психодиагностика, информационно-психологическое обеспечение исследований и т. п.).

Некоторые формирующиеся психологи идут таким путем – пишут и защищают требуемую диссертацию, чтобы потом, по возможности, к ней не возвращаться; некоторые продолжают чувствовать себя несостоявшимися и находят удовлетворение в "живой" работе с людьми уже не в статусе психолога как такового (феномен кажущегося ухода из профессии – "психолог в душе и начальник или воспитатель по должности" и т. д.). Тем не менее, рано или поздно в общественном и профессионально-психологическом сознании утверждается понятие "психолог-практик", или "практический психолог". Хотя он иногда воспринимается традиционно ориентированными специалистами как нечто одиозное, а его деятельность – как нечто неуместное в храме науки, как "шаманство", тем не менее появляются веские логические обоснования этого типа специалиста, и он входит в жизнь профессионального сообщества, сам, в свою очередь, заостряя свою позицию и противопоставляя ее традиционному сциентизму, физикализму как чему-то неуместному в условиях современности.

Мы все являемся свидетелями этого процесса; ему мы ставим в соответствие *метелку a5-b7*; в ее недрах тоже могут зародиться какие-то новые системы профессионально-психологических функций, но этого мы пока достоверно знать не можем.

Теперь обратимся к вопросу о том, какой психолог предшествовал только что рассмотренному "советскому". Представим себе начало XX века в России (*метелка a3-b5*); институционализована (как-то представлена в специальных учреждениях – учебных заведениях) лишь определенного рода умозрительная и ориентированная на идеалистическую философию наука о душе, мало связанная с основными явлениями общественной жизни (а это, прежде всего, развитие капитализма в стране). Наряду с отмеченным порождается и вторгается в жизнь неофициальная психология, творимая врачами, инженерами, фабричными инспекторами и другими работниками, ввергнутыми в общественные, производственные процессы (см.: Носкова, 1985 и др. ее работы).

Дореволюционная психология в России неоднородна, как и советская психология, и еще менее интегрирована, характеризуется противостояниями, взаимным неприятием или просто игнорированием некоторых своих составляющих (официальной и неофициальной областей производства и применения душеведческого знания), некоторой динамикой, фазами развития. Нет речи о едином профессиональном самосознании

соответствующих работников как психологов. Они существуют, слегка объединяемые некоторыми изданиями – такими, как "Записки Русского Технического Общества", журналы "Железнодорожное дело", "Электричество", "Русская школа", "Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма" и др. (в некоторые из них, как легко понять, традиционный психолог и не подумает заглянуть). Нет ничего странного в том, что советские психологи отнюдь не вели свое профессиональное родство от врачей-гигиенистов или фабричных инспекторов (они как бы ориентированы по оси только своей ментальной системы-метелки, а за ее пределами склонны не видеть ничего). Но мы должны, видя тех и других, непредвзято усматривать их сходство по роду выполняемых профессионально-трудовых функций.

Но возникает, в свою очередь, вопрос, на какой почве, в недрах какой системы зародился тот все же несомненно психологический образ мыслей, который характеризовал множество людей только что затронутого периода, искавших пути преодоления несообразностей между личными качествами работника и требованиями деятельности (анализ причин и путей преодоления аварий, травм на производстве; поиск путей обучения новым видам деятельности; учет психологических особенностей потребителя и разработчика при проектировании средств деятельности и т. п.)? Эта почва (система) отображается на рисунке предшествующей метелкой – *c2-d4*.

Что это за система? Приходится признать, что это некоторая смесь, синкрет, "бессвязная связность" (см. Психологический..., 1983, с. 341), сложенная из религиозно-гуманистического образа мыслей в соположении с классической просвещенностью и здравым смыслом. Кратко охарактеризуем ядро этого рода ментальности в связи с теми формами деятельности людей, которые можно интерпретировать как имеющие отношение к познанию психической реальности и овладению ее проявлениями.

Мы должны здесь вспомнить о некоторых особенностях русской церкви прошлого и соответствующего образа мыслей (не в его чистом, богословском, нормативном понимании, а в том, как это все реально происходило в истории).

Религиозное сознание после так называемого Крещения Руси (как, впрочем, и до его официальной даты – 988 или 989 г.) отнюдь не было единым, целостным. Представителям нового – христианского – мировоззрения пришлось признать "реальность существования всех бесчисленных славянских богов, приравняв их к бесам", признать "святость традиционных мест и сроков старого культа", пришлось выстраивать храмы на местах прежних кумиров и

капищ, даже христианские праздники пришлось приурочивать примерно к тем же дням, на которые приходились прежние языческие (Никольский, 1988, с. 25). Волхвы существовали по крайней мере по XIII век, а старая обрядность и позже продолжала сохранять свою силу при некоторых "механических" добавлениях христианского толка. В заговорах (заклинаниях), направленных на укрепление сил, отвращение несчастий, "трясавиц" и т. п., "христианские персонажи попросту стояли рядом с дохристианскими" (там же, с. 29). Иначе говоря, средства, которые мы могли бы рассматривать как психотерапевтические или саморегулятивные, люди отнюдь не оставляли в прошлом; эти средства им были нужны и их сохраняли, "вписывая" в складывающуюся новую мировоззренческую систему (феномен неуничтожимости трудовой функции, которую сейчас назвали бы профессионально-психологической).

Нам представляется продуктивным в контексте обсуждаемой здесь темы следующее заключение Н. М. Никольского: "Общество XIII-XV вв. в целом сохраняет старый взгляд на религию как на совокупность опытного знания таинственных сил природы и на совокупность средств жить с таинственным миром в ладу, обращая его даже себе на службу" (1988, с. 39). И в последующие столетия (вероятно, вплоть до XVIII в., когда от рядового служителя культа стали требовать хотя бы элементарной грамотности и пунктуального знания порядка богослужения) священник "ценился именно как профессиональный совершитель... магических актов" – освящение воды, окропление домов, полей и т. п., чтобы прогнать "бесчисленных мелких демонов" (там же, с. 43).

Христианские служители культа перенимали у мастеров чародейного искусства "волхования, чарования и наузы (навязи типа амулетов. – *Е.К.*) всякия... ворожбы дея (для. – *Е.К.*), и порчи дея, и болезни дея, прожитка дея, где бы сыту быти" (по Никольскому, 1988, с. 48). Понятие о единстве предметов веры и культа какое-то время просто отсутствовало (там же, с. 55). Но постепенно способы, формулы и обряды сношений с божеством, узнавания его воли и выпрашивания у него милостей превращаются в "особую тайную науку, не всегда доступную всякому смертному" (там же, с. 70), происходит все более отчетливая профессионализация лиц, ответственных за владение человеческими душами. Интенсивно развивается монашество (некий аналог посреднического "кооператива" между людьми и божеством), возникают многочисленные инакомыслия, ереси, расколы; и в недрах этих процессов постепенно вызревает атеистический, научно-рациональный взгляд на мир и на психику.

Все грандиозные исторические процессы, связанные с лишь отчасти разобранными выше, нет возможности здесь даже упомянуть. Но нам достаточно в конечном счете хотя бы почувствовать явления, факты существования и развития тех профессиональных функций, которые сейчас так или иначе числятся за психологами. Разумеется, затронутые вопросы требуют систематического изучения на эмпирическом материале; и это может привести не обязательно к простому подтверждению или отрицанию предложенной выше гипотезы, но также и к ее продуктивным переформулировкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусейнова В. В. Практика использования психолога на предприятии сферы материального производства и проблемы подготовки психолога-практика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1989. № 4. С. 56-68.
- Дмитриева М. А., Арефьев С. Л. Сравнительный анализ двух моделей деятельности психолога // Проблемы индустриальной психологии. Ярославль, 1975. С. 32-42.
- Дружинин В. В., Канторов Д. С., Канторов М. Д. Введение в теорию конфликта. М.: Радио и связь, 1989. 288 с.
- Ждан А. Н. История психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1990. 267 с.
- Назаретян А. П. Кибернетика и интеграция наук. Об интегративных перспективах системно-кибернетического стиля мышления. Ереван: Айастан, 1986. 218 с.
- Кириллин В. А. Страницы истории науки и техники. М.: Наука, 1985. 511 с.
- Климов Е. А. Психология труда как область знания, отрасль науки, учебная дисциплина и профессия // Вопросы психол. 1983. № 1. С. 102-108.
- Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1988. 199 с.
- Краткий словарь-справочник по вопросам труда и зарплаты. М.: Экономика, 1972. 416 с.
- Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985. 432 с.
- Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. 736 с.
- Никольский Н. М. История русской церкви. Изд. четвертое. М.: Политиздат, 1988. 319 с.

- Ноков О. Н. Железнодорожная психология И. И. Рихтера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология, 1985. № 1. С. 55-64.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и национальн. словарей, 1963. 900 с. См. также новейшее исправленное издание. М.: Русский язык, 1990. 916 с.
- Петровский А. В. История советской психологии. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
- Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1981. 174 с.
- Пригожин И. Р. (I. Prigogine). Перспективы исследования сложности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М.: Наука, 1986. С. 45-57.
- Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983. 478 с.
- Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1988. 783 с.
- Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 1600 с.
- Сыркин М. Ю. Опыт психологического испытания на должность сотрудников психологического отдела института (труда) // Труды Всеукраинского института труда. Вып. 1. Харьков: Путь просвещения – Ин-т труда, 1923. С. 121-142.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.